

13. Мамардашвили М.К. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – С. 269–282.
14. Оборина М.В. Речевая деятельность и некоторые стилистические тенденции текстопостроения как средство управления пониманием // Общая стилистика: теоретические и прикладные аспекты. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1990. – С.32–43.
15. Оборина М.В. Понятие «экспликационная и импликационная тенденции текстопостроения» как средство интерпретации текста : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 215 с.
16. Оборина М.В. Стилеобразующий потенциал экспликационной и импликационной тенденций текстопостроения // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2005. – № 1[7]. – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.104–116.
17. Оборина М.В. Пространственно-временная форма организации художественного текста и ее восприятие // Сб. мат-лов междунар. конф. «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании». – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – С.170–177.
18. Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
19. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1985. – 210 с.
20. Сорокин, Ю.А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С.107–115.
21. Сребрянская Н.А. Нарративный дейксис и его корреляция с категориями художественного текста // Вестник Томского гос. пед. ун-та, 2005. – Вып. 3. – С. 69–74.
22. Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – 320 с.

УДК 811.112.2'276.6:004

А.В. Палкова

ПРИЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ И ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ ИЗ СФЕРЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ, ТЕХНОЛОГИЙ И ИНТЕРНЕТА

Рассматривается взаимодействие общеупотребительного языка и языка профессионального общения в сфере компьютерной техники, технологий и Интернета. Особое внимание уделяется процессу детерминации компьютерных терминов и их метафорическому употреблению в молодежном языке.

Ключевые слова: терминология, языки профессионального общения, молодежный язык, метафора, метафорический концепт, компьютер, Интернет.

В современном информационном обществе Интернет представляет собой одну из социально значимых доминант, становится как средством, так и предметом массовой коммуникации, что порождает необходимость образования или заимствования новых слов и выражений, а также обращения к внутренним языковым ресурсам для когнитивного освоения новой концептуальной сферы. Интернет как знаковое явление времени активизирует внутриязыковые потенции.

Язык пользователей Интернета (далее – ЯПИ) представляет собой своеобразный «мостик» между миром профессионалов и любителей в сфере компьютерной техники, технологий и Интернета. С одной стороны, ЯПИ немыслим без основных терминов языка профессионального общения в сфере Интернета, а также профессионализмов и жаргонизмов, ставших известными и популярными за пределами круга профессиональных пользователей. При этом многие специализированные лексемы являются продуктом вторичной номинации и представляют собой переносные значения общеупотребительных лексем. С другой стороны, Интернет, превращаясь в неотъемлемую часть современного социального устройства и бытовой сферы, стимулирует переход профессиональных слов и выражений в язык повседневного общения.

Между разновидностями современного немецкого языка существует постоянная связь. Переход лексики из одной разновидности в другую, обменный процесс между языком профессионального общения, языком повседневного общения и стандартным языком может рассматриваться как вид «внутриязыковых заимствований» («Binnenentlehnung», «innersprachliche Entlehnung») [28; 30].

Причины внутриязыкового заимствования применительно к ЯПИ видятся в увеличении влияния области новых коммуникационных и информационных технологий, в частности Интернета, на общественную жизнь. Термины из сферы Интернета получают все большее распространение в непрофессиональном речевом контексте. Этот факт подтверждает мнение М.Н. Володиной, что «применительно к современной языковой ситуации можно говорить о своеобразной терминологической экспансии, которую некоторые лингвисты определяют как тенденцию к “интеллектуализации лексики”, связанную с возрастанием коммуникативной роли терминологии. ... Без элементарного владения ключевыми понятиями из области экономики и политики, науки и техники, искусства и спорта человек уже не может полноценно существовать в современном мире» [Op. cit.: 134]. Катализатором этого процесса являются средства массовой информации и коммуникации. Телевидение, радио, пресса, адресованные самой широкой аудитории, непрерывным потоком поставляют информацию, которая изобилует новыми терминами, относящимися к наиболее актуальным отраслям специальных знаний, в том числе к сфере Интернета.

По мнению М.Н. Володиной, массовое переосмысление терминов знаменует изменение сознания современного человека. Понятия науки как бы накладываются на общечеловеческие взаимоотношения. Происходит своеобразное «очеловечивание» терминологии. Стираются грани между термином и обиходным словом, что свидетельствует об укреплении связи между научным и обиходным в сознании [5]. Взаимодействие специальной лексики с общеупотребительным языком выражается в двух противоположных процессах:

- терминологизация общеупотребительных лексем;
- детерминологизация, при которой термины, теряя некоторые свои особенности, переходят в общелитературный язык.

Известно, что в научном и техническом познании огромную роль играет ассоциативное мышление, одним из проявлений которого является способность к метафорическим переносам. По словам В.В. Виноградова, «между словом науки и словарем быта – прямая и тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка» (цит. по [5: 44]). Бытовая лексика, обозначающая жизненно важные для человека понятия, с которыми он сталкивается в повседневной жизни, легко подвергается терминологизации и в роли терминов значительно облегчает коммуникацию в профессиональной сфере [14: 44]. Обычно выделяют два основных вида ассоциаций, порождающих термины, – по внешнему сходству и по сходству функций. Семантическое терминообразование базируется на обобщающей природе слова и потенциальных возможностях, заключенных в его смысловой структуре [4].

В середине 1990-х гг., когда общество было вынуждено все чаще обращаться к компьютерным технологиям в своей повседневной жизни, метафора стала закономерным способом формирования лексического ресурса пользователей Интернета, так как позволила описать сферу новых технологий в интуитивно понятных носителях языка номинативных единицах. Непрофессиональные пользователи пытаются пояснить для себя новые, непонятные явления с помощью метафор, выполняющих в меньшей степени номинативную и в большей степени ориентирующую, объясняющую функцию. Согласно одному из основных положений когнитивной лингвистики, обработка новых знаний осуществляется на основе старых, уже имеющихся в памяти человеческих знаний. Старые знания актуализируются, видоизменяются согласно конкретной ситуации и используются для интерпретации текущей информации. В метафоре заключен большой познавательно-эвристический потенциал, ведь метафорический способ постижения мира имеет всеобщий и обязательный характер, поэтому метафора может быть рассмотрена как один из фундаментальных когнитивных механизмов человеческого сознания [1; 6; 16; 17].

Тезис о метафоричности человеческого мышления высказывают Дж. Лакофф и М. Джонсон. Эта идея является отправной точкой для их теории метафорических концептов (*metaphorical concepts*). Метафоры в значительной мере представляют нашу понятийную систему и одновременно оказывают влияние на наше мировосприятие. Таким образом, они создают реальность и определяют наши действия и нашу жизнь [33].

Термины, возникшие в результате метафорического переноса, обладают прозрачной внутренней формой и доступны для восприятия, ср. «компьютерные» термины *Maus, Virus, Trojanisches Pferd, Fenster*. Принцип метафорического переноса лежит и в основе создания графического интерфейса: «рабочий стол» является как визуальной, так и языковой метафорой, облегчающей «диалог» пользователя с компьютером. Пользователь обустроивает свое рабочее место – *Arbeitsplatz, Schreibtisch* – с помощью различных «иконок» (*Icons*), т.е. наглядных графических символов, через которые осуществляется запуск программ, документов и т.п. В рамках метафорического концепта *Arbeitsplatz* для обозначения отдельных понятий используются термины *Papierkorb, Datei, Ordner, Datenträger, E-Mail / E-Brief, Adresse, EDV (elektronische Datenverarbeitung)*.

В языке пользователей компьютеров и Интернета активно используется лексика из сферы лингвистики. Это свидетельствует о том, что обращение с компьютером строится по модели межличностного речевого общения. Р. Вайнгартен, рассматривая метафорический перенос понятий из сферы лингвистики в сферу компьютерных технологий, говорит о формировании метафорического концепта «язык / речь» (*Sprache*) в компьютерной терминологии и выделяет следующие группы лексических единиц, имеющих отношение как к языку / речи, так и к компьютерам [37]:

- речевые действия: *argumentieren, ausdrücken, Auskunft geben, befehlen, begrüßen, benachrichtigen, fragen, hinweisen, informieren, kommunizieren, melden, sagen* и др.;
- языковые единицы: *Ausdruck, Begriff, Dialog, Satz, Sprache, Text, Wort, Zeichen* и др.;
- лингвистическая терминология: *Lexikon, Linguistik, Medium, symbolisieren, Syntax, Vokabular* и др.;
- письменная форма языка: *adressieren, Alphabet, Autor, Bibliothek, Brief, Buch, Dokument, drucken, Katalog, korrespondieren, lesen, Literatur, notieren, schreiben, Schrift, Verzeichnis* и др.;
- отношения между различными языковыми системами: *chiffrieren, codieren, entschlüsseln, übersetzen* и др.

Когда мы говорим о терминологизации, важно иметь в виду, что обиходное слово и то же слово в роли термина – это по существу разные слова. У них разные значения, разные сферы употребления. При терминологизации, как справедливо полагает М.Н. Володина, происходит не рождение

нового значения у старого слова, а формирование нового слова (семантического неологизма) [5].

Пониманию и популяризации многих терминов в сфере компьютерной техники, технологий и Интернета во многом способствует вторичная номинация. Как отмечает Е.В. Розен, специализированная лексика, особенно там, где она связана с актуальными и модными проблемами, имеет тенденцию не только становиться известной широким кругам носителей языка, но и утрачивать свою «специализацию» [10: 32]. При популярности отдельных специальных понятий их словесные обозначения становятся всеобщим достоянием, теряя при этом терминологическую точность и обретая общее употребление [15]. Происходит «депрофессионализация», или «тривиализация», термина (Trivialisierung, Veralltäglichung) [30: 711]:

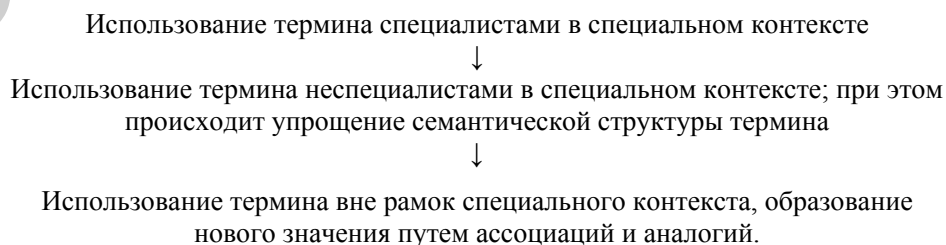
Переход терминов	
из языка	→ в язык
профессионального	повседневного
общения	общения
(Fachsprache)	(Alltagssprache) = депрофессионализация терминов (Veralltäglichung von Termini)

В широком смысле под детерминологизацией понимают «процесс постепенного утрачивания терминами своих терминологических характеристик и выход за пределы терминологической системы». В узком смысле детерминологизация представляет собой «явление вторичной номинации, обозначение терминологической и профессиональной лексикой неспециального, чаще бытового предмета и явления, и употребление таких терминов в разговорной речи, в обиходе» [14: 103].

А.В. Суперанская и соавторы говорят о двух стадиях детерминологизации:

- 1) вхождение термина в виде слова с терминологическим значением в состав общеупотребительного языка (частичная детерминологизация);
- 2) уже в общеупотребительном языке перенос значения этого терминологического слова и возникновение (часто метафорически) бытового слова на его основе [15: 134].

Схематично данный процесс можно изобразить следующим образом:

Как отмечает М.Н. Володина, процесс перехода термина в общеупотребительную лексику довольно сложен. Существовая в определенной терминологической системе, термин связан понятийными отношениями с другими терминами. При заимствовании термина общим языком все эти отношения (связи) нарушаются, остаются за пределами общего языка как неизвестные неспециалистам. Это создает вокруг термина атмосферу некоторой обособленности, ощущение изолированности его в кругу общелитературной лексики. Ведь выйдя за пределы специального общения, термин не перестает быть элементом соответствующей терминологической системы [5].

О депрофессионализации термина свидетельствует следующее.

1. На пути из языка профессионального общения в язык повседневного общения термин теряет статус специального дефинированного понятия. Форматив обычно остается неизменным, а содержательная сторона претерпевает изменения.

В результате широкого распространения Интернета и увеличения числа пользователей терминологическая лексика известна не только профессионалам. Однако пользователи имеют лишь примерное представление о значении этих терминов и понимают их не всегда так же, как и специалисты. Бытовое понимание терминологического значения неспециалистами охватывает лишь основную суть. И.А. Хребтова пишет об «альтерации значения»: отсекаются «второстепенные» (для неспециалиста) признаки, остаются лишь понятные и необходимые для повседневного обращения признаки, так называемая «общеупотребительная проекция» [18: 75].

Зачастую термины употребляются неспециалистами в неправильном значении. Приведем несколько примеров некорректного использования термина Интернет, взятых с форума на сайте <http://www.novotroitsk.ru/forum>. Интернет понимается в данном случае неспециалистами в сфере компьютерной техники и технологий как компьютер, какое-либо дополнительное устройство к компьютеру или программное обеспечение:

- *Я хочу купить Интернет. Сколько это стоит?*
- *Я не мог подключиться к Интернету ночью. Вы уверены, что он работает после 12?*
- *У меня медленно работает Интернет. Не могли бы вы его перезагрузить?*
- *Я испортил Интернет. Почините его, пожалуйста.*
- *Как мне вставить Интернет в компьютер?*
- *У вас самая последняя версия Интернета?*

По мнению З. Вихтера, один и то же термин обладает профессиональным и непрофессиональным значением (Experten- und Laienbedeutung). Непрофессиональное значение термина модифицируется со временем. Это связано с повышением компетентности неспециалистов в определенной области вследствие распространения новой технологии в обществе, таким

образом, происходит сближение непрофессионального и профессионального значения [38].

2. У терминологической единицы в языке непрофессиональных пользователей появляются синонимы, что не является типичным для языка профессионального общения. Например, наряду с термином *Dotcom* (Интернет-компания, точнее коммерческая Интернет-страница, от англ. dot – ‘точка’ и com – расширение для коммерческих сайтов [29]) в ЯПИ используется целый ряд синонимов: *Internet-Firma*, *Internet-Unternehmen*, *Online-Firma* и т.д.

Лексема *Internet* в ЯПИ имеет несколько синонимических обозначений. Лингвистическое общество, выступающее за сохранение немецкого языка (*Verein für die Wahrung der deutschen Sprache*), предлагает использовать в значении «Интернет» словосочетание *das weltweite Netz*, однако оно менее компактно и удобно для употребления, чем заимствованная единица *Internet*, являющаяся интернационализмом. Наименования *Netz*, *World Wide Web*, *WWW*, *Web*, *Cyberspace* нередко представляют собой контекстуальные синонимы лексемы *Internet*. Английские сокращения *net*, *i-net* самостоятельно в немецких текстах не встречаются, однако в значении «Интернет» они входят в состав композитов и контрактур, отмеченных в немецкой прессе, словарях и на немецкоязычных Интернет-сайтах: *i-net-galerie*, *i-net-software*, *i-net-webdesign*, *Net-Dichter*, *Netizen* (*net* + *citizen*), *Netiquette* (*net* + *etiquette*) и др.

О депрофессионализации термина свидетельствует также появление композитов, состоящих из терминологического и нетерминологического компонентов: *Computer-Zeitalter*, *Internet-Anarchist*, *Multimedia-Neuling*, *Online-Dieb* и др. В составе композитов в качестве синонимов выступают компоненты *Internet*, *online*, *Cyber-*, *E-*, *Web*, ср.: *Cyberschule / Online-Schule / Web-Schule*, *Internet-Universität / Cyberuni / E-Uni / Online-Uni*.

3. Некоторые термины приобретают метафорические значения и употребляются в отношении не связанных с компьютером и Интернетом явлений, особенно в молодежной среде. Как отмечает Е.В. Розен, активный и пассивный лексикон современного человека неизбежно включает сегодня значительный объем специальной лексики, позволяющий ему следить за техникой и наукой. Это не может не влиять на образное видение мира, на замену сопоставления с миром природы, флоры и фауны, откуда веками черпалась образность, на аналогии более актуальные, связанные с миром техники, науки [11].

Связанные с ЭВМ представления обогатили метафорику повседневной коммуникации; слова *Input* (‘ввод’), *Output* (‘результат’), *Feedback* (‘обратная связь’) стали употребляться в переносном значении. Данные лексемы активно используются в языке методики, например:

«*Feedback* in der Erwachsenenbildung sollte als umfassende Rückmeldung bei Ergebnissen, Fragen und Verhaltensweisen verstanden werden» [19: 25].

«Das Gehirn kann sprachlichen *Input* besser verarbeiten, wenn es dazu Ruhe hat – sich also nicht schon sofort mit der Produktion von sprachlichem *Output* beschäftigen muss» [19: 40].

При переходе терминов *Schaltfehler* (ошибка при переключении), *Softwarefehler* (ошибка в работе программы), *Webfehler* (ошибка при работе в Интернете), *Programmabsturz* (сбой в работе программы), *Systemabsturz* (сбой в работе системы) в общеупотребительный язык происходит перенос обозначения компьютерных / программных процессов и операций на работу человеческого мозга. Выражение *einen Programmabsturz haben* означает в разговорном языке ‘ничего не понимать, с трудом соображать’.

Компьютерный термин *Schnittstelle* (интерфейс) употребляется в переносном значении ‘область пересечения, точка соприкосновения’:

Wo ist die *Schnittstelle* zwischen Wissenschaft und Religion? (цит. по: [28: 73]).

В следующем контексте приводится пример метафорического употребления терминов *Hardware* (компьютерное оборудование) и *Software* (программное обеспечение) для противопоставления понятий «оружие» и «идея, концепция»:

«Wir hinken bisher nicht nur in der *Hardware* der Waffen, sondern auch in der *Software* der Konzepte hinter den Vereinigten Staaten hinterher» (цит. по: [28: 73]).

Термины из сферы компьютерной техники и Интернета встречаются в переносном значении и в научном дискурсе:

«Контекст – принадлежность субъекта дискурса, он по определению субъективен и является, если пользоваться компьютерной терминологией, своего рода, “*резидентной программой*”, встроенной в сознание дискурсанта, – с той, однако, разницей, что в отличие от компьютерной программы, эта “*программа*” находится в процессе постоянного становления и развития» [9: 30].

Термин «резидентная программа» отмечен и в немецком контексте:

«Resident – so heißt ein Programm, das immer „im Hintergrund da ist“, nachdem es einmal eingespeichert wurde. Man kann es dann nach Bedarf aufrufen. *Im menschlichen Gehirn fehlt leider dieses Programm häufig*. Man spricht dann von „Gedächtnisschwund“» [20: 122].

Тенденция к детерминологизации «компьютерной» лексики особенно заметна в молодежной среде, ведь именно молодежный язык открыт для новых обозначений из модных сфер и подвержен влиянию со стороны средств массовой информации и коммуникации, уделяющих большое внимание Интернету и процессу его освоения современным обществом.

Например, выражение *online sein* используется в метафорическом значении «up-to-date sein» (быть в курсе дела, быть на современном уровне) [12: 127]. А выражение *ich bin overloaded* означает в молодежной среде «das ist zu viel für mich» (я «перегружен», это слишком много для меня). Значение компьютерного термина *Message* (сообщение) претерпело расширение и употребляется в молодежном языке в смысле ‘обстоятельное вы-

сказывание, философия'. Номинативные единицы *Floppy* и *Laufwerk*, обозначающие дискету и дисковод, в молодежном языке получили метафорическое значение 'голова, мозг'. Перенос осуществляется по функции, при этом появляется дополнительная оценочная коннотация (положительная или отрицательная):

«Du hast eine echt flinke *Floppy*! Du hast wohl 'n Virus in deiner *Floppy*! Du hast wohl 'nen ziemlichen *Laufwerkfehler*!» [24].

«Der Ralf hat doch 'ne Macke. Der sollte sich mal *sein Laufwerk formatieren*» [36].

Аналогичным образом функционирует подобная лексика в бытовых диалогах:

«Sehen Sie, der Herr, ein solches Tier [Papagei] ist etwas Ähnliches wie ein *Computer*, wenn Sie sich da vielleicht auskennen. Sein Zentralhirn ist noch *ganz frei*. Mein Neffe ist nämlich Programmierer...Also, in dem Vogel ist noch nichts *gespeichert*, der ist noch voll *aufnahmefähig*. Nur mit Ausnahme der zwei *Bytes* „Auf Wiedersehen“. Franz wußte zwar nicht, was Bytes sind, aber er fragte: “Wenn es danach geht: wieviel Bytes hat dann dieser Papagei?“» [35: 228].

Andersdenkende *fahren ein total falsches Programm*, Vorgestrigе oder Dummköpfe haben *einen veralteten Prozessor, einen Schaltfehler* oder *einen leeren Speicher*, Misserfolge gleichen *Programmabstürzen* oder *Chipinfarkten*, mit Besuch bei den Eltern wird *ein bisschen Heimat abgerufen* [32: 138].

Ich muss mich noch *updaten*, hatte in den letzten Tagen einfach *nicht genug Arbeitsspeicher* frei, um mich auf das Projekt vorzubereiten [21: 29].

«Jetzt kann ich ihn mit ruhigem Gewissen und gutem Gefühl *aus allen Ordnern meines Lebens löschen*» [25: 199].

Несколько примеров из современной русскоязычной литературы:

«Одуревшему от программирования взору Москва явилась страшно расплывчатой и даже, выражаясь языком компьютерным, *глючной*» [2: 101].

«Господин Сухоцкий кинул всех и нажал на *искейн*» [2: 221].

«Давайте жать на *экзит*» [2: 255].

«Вчера мне пришло в голову, ... что девушки по сути своей – это самые настоящие проги. ... Есть *freeware* – подруга, и *time-limited* – невеста. Лицензионная копия называется “жена”. Причем процедура лицензирования сильно запутанная и дорогая... Первое – почти все *freeware*-версии надоедают сообщениями с предложением зарегистрировать копию и часто функционально ограничены... Второе: пользоваться ими нужно осторожно, предварительно тщательно проинсталлировав антивирусное приложение...» (цит. по [14: 191]).

Некоторые лексемы «пережили» сначала терминологизацию, а затем детерминологизацию, т.е. прошли путь из общеупотребительного языка в язык профессионального общения и вернулись в общеупотребительный / разговорный язык в переносном значении. Например, лексема *speichern* в стандартном языке имеет значение 'складывать, хранить на складе, накапливать'. В «компьютерном» языке термин *speichern* означает 'запоминать,

хранить информацию», *Speicher* – ‘запоминающее устройство, память (компьютера)’. В разговорном языке лексема *Speicher* приобрела метафорическое значение ‘человеческая память’, например, выражение *nicht alle Daten im Speicher haben* означает ‘у него не все в порядке с головой’:

«Wir – die Generation danach – haben mit Grauen und Abscheu die Naziverbrechen gesehen, gehört und irgendwie verdaut. Wir haben aber ganz sicher *gespeichert*, dass alles Vergangenheit und Geschichte ist» (цит. по [28: 72]).

Лексема *Spam* в языке повседневного общения является названием американских мясных консервов «*spiced pork and ham* → *spam*». В компьютерном жаргоне *Spam* обозначает нежелательную рекламу в форме электронных сообщений, рассылаемую большому количеству пользователей. Метафорический перенос осуществляется, по-видимому, на основании коннотативного признака нежелательности из-за невысокой степени полезности и больших объемов распространения. В русском языке пользователей Интернета используется жаргонизм *спамэпидемстанция*. В настоящее время лексема *Spam* используется для обозначения любой бесполезной информации как в виртуальной, так и в реальной жизни:

«*Spam* findet sich inzwischen nicht mehr nur in der virtuellen Welt. Auch im ganz normalen Briefkasten stapeln sich inzwischen die Werbebotschaften, die niemand braucht» [29].

В языке пользователей Интернета есть термин *bookmarken*, имеющий значение ‘сохранять адрес страницы в Интернете’. Этот термин возник на основе общеупотребительного слова *bookmark* / *Lesezeichen* (закладка). Сейчас этот глагол вернулся в разговорную речь в значении ‘отметить для себя что-либо, запомнить’ [23].

По аналогии с компьютерными терминами появляются новые обозначения для явлений из «реальной жизни». Так, обычная почта получила название *Snail-mail* / *Schneckenpost* (*snail* / *Schnecke* - улитка). Например, *Du hast keinen PC? - Dann machen wir es eben per Snail*. Лексема *Post* (почта) в шутку расшифровывается как «*People of Slow Transport*». В противоположность виртуальному сексу реальный секс обозначается в компьютерном жаргоне как *f2f-Sex* (*face to face*). А люди, не разбирающиеся в компьютерах, получили название *Medienanalfabet*, *E-Diot*, *DAU* (*dümmster anzunehmender User*), *HAU* (*hirnamputierter User*).

«Компьютерные» термины проникают и в устное народное творчество, заменяя составные элементы известных пословиц. Например, такое замещение произошло в немецкой пословице *Was man nicht im Kopf hat, muss man in den Beinen haben*. → *Was man nicht im Kopf hat, muss man in dem Computer haben* [13: 140].

В сознании современного общества и соответственно в ЯПИ имеют место два основных направления метафоризации значений:

- антропоморфизация компьютера и Интернета;
- компьютероморфизация человека.

Оба эти процесса основаны на двустороннем метафорическом концепте «ЧЕЛОВЕК ↔ КОМПЬЮТЕР». Е.С. Кубрякова, рассуждая о широком распространении «зеркальной» метафоры «Human mind is a computer» – «A computer is human mind», отмечает, что «в работе компьютера и в работе человеческого мозга наблюдаются параллельные процессы, базирующиеся на базе (совокупности) знаний. Компьютерные процессы поэтому можно рассматривать как до известной степени повторяющие интеллектуальную активность, активность сознания (оперирование символическими репрезентациями)» [7: 18]. Сходным образом, наличие вышеуказанных параллельных процессов даёт основание моделировать работу человеческого мозга в компьютерных терминах [1].

В разговоре о компьютерах пользователи часто обращаются к персонификации. Нередко можно услышать такие фразы: компьютеры *вступают в диалог, коммуницируют* с человеком и друг с другом, они *овладевают языками, переводят, понимают* тексты, получают знания, они *считают, учат, анализируют*. В общем, компьютеры *умны и креативны*. В.А. Собянина приводит следующий пример: *der Computer meckert – d.h. er gibt eine Fehlermeldung aus* (компьютер «ругается», «ворчит»). В этом случае происходит метафорический перенос на специальный денотат на основе сопоставления действия, реакции человека и компьютера, что даёт довольно яркий образ [14: 45].

Иногда пользователь начинает воспринимать компьютер не как машину, а как «собеседника»: «Ich will die Datei speichern, da sagt der [Computer] zu mir: 'Datei wurde nicht gespeichert'» [27: 127–128]. У некоторых пользователей складываются очень «личные» отношения с компьютером. Они эмоционально «общаются» с машиной и приписывают ей существование эмоций: «Das mag er nicht! Jetzt *spinnt* er! Das *verkräftet* er nicht» [34: 45]. Особенно часто такое поведение пользователя наблюдается, когда компьютер «не повинует» командам. Тогда человек обращается к машине как к непослушному, упрямому существу.

В настоящее время наблюдается расширение метафорического концепта «человек ↔ компьютер» и возникает концепт «мир реальный ↔ мир виртуальный», о чем свидетельствуют метафоры *киберпространство, виртуальный город, глобальная деревня, жители сети, электронное правительство, виртуальное кладбище* и др.

Следует отметить, что антропоморфные метафоры используются не столько для создания нового наименования, сколько для эмоционального воздействия на собеседника или читателя, т.е. с прагматической точки зрения они выполняют, прежде всего, эмоционально-оценочную функцию. В то же время они служат эвристическим и объяснительным целям. Обращаясь к антропоморфным метафорам, человек с помощью аналогий с собственными действиями и предметами, окружающими нас в повседневной жизни, пытается объяснить самому себе и другим, как работает компьютер и Интернет.

Причины распространения и популярность антропоморфной метафоры можно объяснить с позиций понимания техники как имитации, продолжения, дополнения человеческих органов. Это следствие длительной, неразрывной связи человека, природы и техники. А. Гелен назвал это явление «феноменом резонанса» [32: 21]. При этом компьютер рассматривается как дополнение не физической, а мыслительной деятельности человека. Кроме того, компьютерная техника и Интернет расширяют возможности коммуникации, устраняют пространственные и временные барьеры. При освоении новых технических явлений человек мысленно обращается к сближению мира природы, техники и человека, происходит «оживление» техники: *Verlebendigung, Teleologisierung, Vermenschlichung, Anthropomorphisierung, Verkörperlichung von Technik* [32: 84].

Наряду с антропоморфизацией компьютера и Интернета происходит противоположный процесс: сравнение человека с компьютером. По аналогии с компьютерными терминами человеческое тело сравнивается с компьютерной техникой (*Hardware*), а человеческий разум – с программным обеспечением (*Software*). Человеческий мозг получил метафорическое обозначение *Denkmotor* (мыслительный двигатель). Переход на новую стадию мышления называется *brain 2.0* по аналогии с Web 2.0. Выражение *sich brain 2.0 runterzuladen* означает в молодежном языке ‘загрузить новые мозги’, т.е. подумать и не задавать глупых вопросов [23].

Метафоры «электронный мозг» и «человеческий мыслительный механизм» [8: 8] свидетельствуют о том, что человеческий мозг может рассматриваться как вычислительный механизм, сходный с компьютером, а разум представляет собой ряд программ, обеспечивающих функционирование мозга. И.А. Хребтова полагает, что гораздо более оправдана аналогия когнитивных структур человека с сетевой архитектурой и схемой распределенной обработки / получения / хранения информации. Семантические сети, построенные на комплексных когнитивных связях и культурозависимых ассоциациях, в большей степени напоминают *гипертекст* (представление информации в форме связанной сети гнезд, в которой пользователи Интернета свободны прокладывать путь нелинейным образом). Утверждается даже, что стратегии обработки гипертекста напоминают усвоение структурированного языкового знания [18: 44].

Человеческие действия в настоящее время нередко обозначаются с помощью компьютерных терминов: *сохранить* мысль, *удалить* что-либо из памяти, *загрузить* данные на свой внутренний компьютер. Одновременное выполнение человеком нескольких действий обозначается компьютерным термином *Multitasking / многозадачность*. Мышление человека называют *дигитальным, сетевым*.

Широкое распространение в разговорном языке получил компьютерный термин *сканировать*, произошедший от латинского *scandere* (подниматься вверх, восходить) и этимологически связанный с глаголом *скандировать* (произносить с сильным ритмическим акцентом). Он был заимст-

вован из языка скульпторов и книгопечатников, где данная лексема употреблялась в значении 'ощупывать'. В приведенных ниже контекстах глагол *сканировать* приобретает переносное значение 'просматривать, анализировать, оценивать':

«Auf einer Party werden die Gäste *gescannt*, um festzustellen, wie Erfolg versprechend der Abend wird» [22: 152].

«Mütter haben irgendwo einen eingepflanzten *Scanner*, der in Sekundenschnelle den Schwiegersohnstest macht... Trotzdem gebe ich ihr natürlich nicht die Schuld für meine gescheiterte Ehe, vermutlich hatte ihr *Scanner* damals einen Wackelkontakt» [26: 44].

Таким образом, расширение роли компьютерной техники и Интернета в повседневной жизни обуславливает взаимовлияние стандартного языка, языка повседневного общения и языка профессионального общения. Язык профессионального общения в сфере компьютеров и Интернета получил значительную часть своего лексического состава из стандартного языка. В то же время через ЯПИ осуществляется трансферт специализированной лексики в социально-бытовую сферу. Метафоризация терминов связана с общей тенденцией языка к экспрессивности. Специальная терминология является практически неисчерпаемым источником новых осмыслений, сравнений, новых способов речевого выражения.

Компьютерная сфера привносит в стандартный язык новые понятия и новые концепты, которые изменяют не только то, как мы говорим, но и то, как мы думаем. Очевиден факт, что всемирная компьютерная сеть вносит свой вклад в так называемую «когнитивную революцию», так как через внедрение практически во все сферы человеческой жизни Интернет влияет на сознание человека. По утверждению А.Е. Войскунского, Интернет представляет собой «уникальный полигон, на котором разворачивается испытание естественного языка» [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев С.В. Метафора как фактор прагматики речевого общения : дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 158 с.
2. Акунин Б. Внеклассное чтение I. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002. – 285 с.
3. Войскунский А.Е. Метафоры Интернета // Вопросы философии. – 2001. – № 11. – С.64–79 <http://NetHistory.Ru/biblio/1043173332.html> (01.10.2010)
4. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 112 с.
5. Володина М.Н. Теория терминологической номинации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 180 с.
6. Кожина М.Н. (ред.) Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 696 с.
7. Кубрякова Е.С. Проблема представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний : сб. науч.-аналитич. обзоров). – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С.4–38.

8. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 294 с.
9. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – 94 с.
10. Розен Е.В. Общая и профессиональная лексика при обучении устной немецкой речи. – М.: Высш.шк., 1984. – 79 с.
11. Розен Е.В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.
12. Розен Е.В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. – М.: Менеджер, 2000. – 192 с.
13. Романова М.С. Специфика функционирования англицизмов в немецком молодёжном языке : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 178 с.
14. Собянина В.А. Взаимодействие терминологической и обиходно-разговорной лексики в немецком языке : монография. – М.: Компания Спутник+, 2004. – 244 с.
15. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. – 2-е изд., стереотипн. – М.: УЗСС, 2003. – 248 с.
16. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
17. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С.173–204.
18. Хребтова И.А. Когнитивно-прагматические особенности языка средств электронной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2002. – 399 с.
19. Baumgart, E. Bücheler, H. (Bearb.) Lexikon. Wissenswertes zur Erwachsenenbildung. Fragen, nachschlagen, anwenden. 750 Definitionen zur Erwachsenenbildung unter besonderer Berücksichtigung von geistiger Behinderung. – Neuwied: Luchterhand, 1998. – 150 S.
20. Drews, G. Fremdwörter für Angeber. – Augsburg: Weltbild, 1991. – 159 S.
21. Duden: Wörterbuch der New Economy. – Hamburg, 2001. – 190 S.
22. Duden: Wörterbuch der Szenesprachen. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2000. – 208 S.
23. Duden: Neues Wörterbuch der Szenesprachen. – 2009 <http://szenesprachenwiki.de> (01.10.2010)
24. Ehmann, H. Voll konkret: Das neuste Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 2001. – 159 S.
25. Glattauer, D. Gut gegen Nordwind. – München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2008. – 223 S.
26. Heldt, D. Unzertrennlich. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2006. – 297 S.
27. Holly, W., Habscheid, St. Die sprachliche Aneignung von Computermedien – Vorstellung eines Projekts // Kallmeyer, W. (Hg.) Sprache und neue Medien. IdS. Jahrbuch 1999. – S.127–141.
28. Ickler, T. Die Disziplinierung der Sprache. – Tübingen: Narr, 1997. – 438 S.
29. Internet-Wörterbuch. – 2010 <http://www.sueddeutsche.de/app/computer/networks/> (01.10.2010)
30. Jakob, K. Fachsprachliche Phänomene in der Alltagskommunikation // Fachsprache. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. 1. Halbband. – Walter de Gruyter, 1998. – S.710–717.

31. Jakob, K. Maschine, mentales Modell, Metapher. Studien zur Semantik und Geschichte der Techniksprache. – Tübingen: Narr, 1991. – 305 S.
32. Kübler, H.-D. Telematisierung sprachlicher Wandel und Technisierung des Wissens // Weingarten, R., Fiehler, R. (Hrsg.) Technisierte Kommunikation. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1988. – 202 S.
33. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
34. Raatz, K. Welche (künstlichen) Intelligenzen braucht der Mensch? Notizen aus gesellschaftlicher, psychologischer und technischer Sicht // Gottwald, E., Hibbeln, R., Lauffer, J. (Hg.) Alte Gesellschaft – Neue Medien. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. – S.45–53.
35. Spoerl, A. Ein unbegabter Ehemann. Roman in 21 Bildern. – Fr.a.M.; Berlin; Wien, 1995. – 225 S.
36. Sprachnudel. Wörterbuch der Jetztsprache. – 2005–2007
<http://www.sprachnudel.de/> (01.10.2010)
37. Weingarten, R. Die Konstruktion von Sprache im technischen Medium. Habilitationsschrift. – Bielefeld: Fakultät für Linguistik und Literaturwissenschaft der Universität Bielefeld, 1991. – 313 S.
38. Wichter, S. Zur Computerwortschatz-Ausbreitung in die Gemeinsprache: Elemente der vertikalen Sprachgeschichte einer Sache. – Fr.a.M.; Bern; New York; Paris: Lang, 1991. – 152 S.

УДК 81'42

В.А. Садикова

СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ МОДЕЛЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели)

Выдвигается гипотеза о том, что обстоятельства места, времени и цели представляют собой единую структурно-смысловую модель и одну из основных («вершинных») языковых категорий.

Ключевые слова: пространство, место, время, цель, обстоятельства.

Пространство и время – сложнейшие философские категории, которые в бытовом языке и повседневном общении людей представляются ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ, координирующими это общение. Сознательную – и личную, и социальную – жизнь человека невозможно представить себе и без третьей обстоятельственной координаты – цели. В данной статье мы предпринимаем попытку рассмотреть эти обстоятельства в единстве и взаимодействии как определяющие речевое поведение людей.

Для нас в повседневной жизни и повседневной речевой деятельности более актуально конкретное *место*, чем абстрактное *пространство*, но даже в философии *пространство* связывается с человеческим переживанием: «ПРОСТРАНСТВО – то, что является общим всем переживаниям, возникающим благодаря органам чувств» [13: 369], а переживание – «опыт, ко-